

ГЛАВА 7. ФИННО-УГОРСКИЙ МИР В КАЧЕСТВЕ ГЕОКОНЦЕПТА

CHAPTER 7. THE FINNO-UGRIC WORLD AS A GEOCONCEPT

Аннотация: В статье предпринята попытка провести анализ концепта «финно-угорский мир» с позиции геопространственного концепта, понятие которого разрабатывается в политической географии. С этих методологических позиций описана история его формирования и развития, отдельно затронута история российского сегмента этого концепта. В парадигматике финно-угорского концепта выделены транснациональный и национальный (русский) уровни. Сделано сравнение по некоторым параметрам концептов «финно-угорский мир» и «пантюркизм».

Abstract: The article attempts to analyze the concept of the Finno-Ugric world from the position of a geospatial concept, the concept of which is being developed in political geography. From these methodological positions, the history of its formation and development is described, the history of the Russian segment of this concept is separately touched upon. In the paradigmatics of the Finno-Ugric concept, transnational and national (Russian) levels are singled out. A comparison of some parameters of the concepts of the Finno-Ugric world and Pan-Turkism has been made.

Ключевые слова: геопространственный концепт / геоконцепт, финно-угорский мир, пантюркизм, финно-угорские народы, Поволжье, транснациональный и национальный уровень геоконцепта.

Keywords: geospatial concept / geoconcept, Finno-Ugric world, Pan-Turkism, Finno-Ugric peoples, Volga region, transnational and national level of the geoconcept.

Данный текст является редакцией выступления на научном семинаре «Технология организации и проведения комплексных экспертных исследований этнополитических процессов в российских регионах», который был проведён в рамках Школы молодого этнополитолога в г. Уфе 27–28 июля. Первая часть семинара содержательно была связана с оценкой возможного влияния в Поволжском регионе России продвигаемого Турцией проекта пантюркизма, шире – проекта Великого Турана. Обращение к концепту финно-угорского мира преследовало две задачи. Первая – сравнительный анализ двух проектов с содержательной точки зрения, вторая – анализ механизмов влияния трансграничных проектов в Поволжье. Этим объясняется и содержательная направленность анализа проекта финно-угорского мира в качестве геопространственного проекта, и упоминание пантюркистского проекта, и некоторая тезисность изложения.

Финно-угорский мир привлёк к себе повышенное внимание отечественных политологов с 2007 г. после доклада по положению уральских народов в России К. Сакс Комиссии по культуре, науке и образованию ПАСЕ, за которым последовало принятие резолюции ПАСЕ (см. подробнее [13, с. 50–51]). Совокупность экспертных суждений по финно-угорскому миру можно свести в две полярные позиции. Одна из них – финно-угорский мир есть реальность, объективно обусловленная общественно-политическими процессам. В области этнополитики эта позиция проецируется через рассмотрение финно-угорского единства как состояния развития, в котором, как и в любом социальном процессе, проявляются различные аспекты. Признаётся наличие деструктивных элементов и эксцессов, но в целом утверждается его позитивные характер и признаются положительные результаты (см., напр.: [11, с. 140 и далее]).

Вторая позиция – финно-угорский мир есть искусственный конструкт, за которым фактически ничего нет. В радикальной версии этой позиции финно-угорский мир признаётся проектом, разработанным в европейских странах для внешнеполитического употребления. Практически неизвестная в Венгрии, Финляндии, Эстонии эта идеологема является дополнительным инструментом давления на Россию и реализации экономических проектов на территории расселения её финно-угорских народов (см., напр.: [1]).

Следует признать, что в обеих позициях содержится методологический изъян. Это узкодисциплинарный дискурс; практически все построения опираются на функционирующие в русскоязычном публичном поле документы, применение иных методов, помимо анализа документов, практически не встречается. Помимо этого, в политологических публикациях на тему финно-угорского мира чувствуется политическая ангажированность авторов и их зависимость от конъюнктуры. Взвешенное описание – в качестве примера можно сослаться на статью с выверенной методологической позицией О.Б. Януш [14] – остаётся скорее приятным исключением.

Представляется, что смещение академического угла зрения позволит преодолеть дисциплинарное видение, увидеть несколько иначе и сам объект, и рассмотреть ускользаемые в ходе дискуссий его новые грани. В этом контексте было бы любопытно обратиться к аналитическим позициям коллег из политической географии, в которой активно, под влиянием культурных изменений и развития информационного общества, развивается идея геопространственного концепта¹ [4].

¹ Далее в тексте будет использоваться практически синонимичный термин «геоконцепт».

«Под геоконцептом понимается любое значимое для определенного человеческого сообщества место, обладающее устойчивым образом». Формула геоконцепта складывается из трёх слагаемых: образ, топоним, территория [5, с. 27]; «... дополненные и систематизированные концепты места лежат в основе локальных мифов и идеологий, которые, в свою очередь, представляют культурную репрезентацию территориальной идентичности» [2, с. 35]. Важно подчеркнуть, что геоконцепты не есть идеологический конструкт, понимаемый как некоторое измышление. Они действительно являются результатом концептуализации территории, который формируется под влиянием не только политики, но и науки, искусства, СМИ и транслируется в образовательной коммуникации. Но процессу искусственной концептуализации предшествует более фундаментальный процесс концептуирования, процесс естественно-исторического освоения определённым сообществом территории, имеющий среди прочего форму её осмысления и мифологизации в ходе преобразования этим сообществом пространства. Геоконцепт образует культурноязыковую картину мира конкретного человеческого сообщества; в этом плане его можно соотнести с понятием «хронотоп этнокультурологии».

Основная функция геопространственного концепта – метаязык для осуществления ментальных презентаций, эмоций. Геопространственный концепт представляет собой взаимоналожение географического (пространственного), политического и исторического смысловых компонентов. С учётом же того, что он есть, соответственно, географическая систематизация, национальные и межкультурные риторика, система исторической аргументации геоконцепт может рассматриваться в качестве дискурса. В силу того, что дискурс как социальная практика «...предполагает диалектическую взаимосвязь между определённым дискурсивным событием и ситуацией, институтом и социальной структурой, ... конституирует ситуации, объекты знания, социальные идентичности людей, групп и их взаимоотношения» (цит. по: [10, с. 48]), геоконцепт предстаёт в качестве некоторого минимально структурированного поля возможных решений и способа формирования социальной идентичности.

И в этой связи следует учитывать, что ситуации существования одной геоконцепции на одной территории в современном мире практически не встречаются. Для современного мира более характерны ситуации «пограничья». И чаще это не пространственно-географическое пограничье, а пограничье межкультурное. Типичными случаями межкультурного пограничья являются этно- и нациокультурные зоны.

«В полиэтничных регионах одно и то же место для разных сообществ часто обладает разными географическими и историческими образами. В таких ситуациях можно выделить два типа геоконцептов – этнокультурные и территориальные», – пишет В.И. Калущков [5, с. 27]. Сосуществование различных геоконцептов в зонах пограничья является проблемной ситуацией, число которых увеличивается в информационном обществе. В таких зонах сталкиваются различные концептуализации, начинается не лишённое конкуренции взаимодействие культурноязыковых картин мира по модели, описанной Ю.М. Лотманом [7].

В результате взаимовлияния геоконцептов происходит усложнение семантической структуры геоконцепта, формируются геоконцептные системы – «... системы, состоящие из наиболее значимых (системообразующих) для данного сообщества геоконцептов» [5, с. 33]. С нашей точки зрения, можно утверждать, что сложность геоконцептной системы есть отражение прогрессивного усложнения социальных связей на определённой территории. В них закрепляется более сложная картина мира. Доминировавшие до последнего времени глобализационные процессы не могли не порождать соответствующих им геоконцептов. Геоконцептные системы наряду с локальными, региональными, национальными уровнями стали включать транснациональный уровень. И с позиции управления политическими процессами формирование геоконцептных систем есть решение стратегической задачи синхронизации и гармонизации разнородных по генезису и уровню функционирования геоконцептов.

Концепт «финно-угорский мир» является частным случаем транснационального геоконцепта, который имеет и свою историю, и актуальную динамику. В отечественных публикациях политологической направленности внимание уделяется преимущественно развитию финно-угорских общественных объединений России и их взаимодействию с организациями так называемых финно-угорских стран: Венгрии, Финляндии, Эстонии – в постсоветский период. Но с учётом наличия саамского населения в Норвегии и Швеции и интереса некоторых саамских общественных объединений к работе международной финно-угорской ассоциации пространственный ареал концепта «финно-угорский мир» правомерно расширить. В случае Норвегии нельзя забывать о проживающих в этой стране квенах. Кроме того, венгры проживают в Румынии, Словакии, Сербии и на Украине. И проблемы венгерской диаспоры регулярно озвучиваются венгерскими общественными активистами при обсуждении общих финно-угорских проблем. Забвение этого обстоятельства смещает акценты при обсуждении

геоконцепта «финно-угорский мир» и сужает обсуждаемую повестку. В области политики это обстоятельство не позволяет выработать эффективное противодействие тенденциям, вызывающим обеспокоенность со стороны российских интересантов.

По крайней мере, более адекватный взгляд на ареал финно-угорского мира позволяет понимать особенности его формирования на лингвистической основе. Финно-угорское языкознание, в меньшей мере – этнография финно-угорских народов, послужило исходной точкой налаживания взаимоотношений между представителями общественности финно-угорских народов. Собственно говоря, до начала 90-х годов научные контакты оставались практически единственной формой существования идеи финно-угорского единства. Первый конгресс по вопросам финно-угорской культуры состоялся в 1921 г. в Хельсинки. В России (тогдашнем СССР) объединение финно-угорских научных обществ было создано в 1925 г. – Ленинградское общество исследователей культуры финно-угорских народностей (ЛОИКФУН). Для координации взаимоотношений с финно-угорскими народами России в Эстонии в 1927 г. был создан комитет «Фенно-Угрия» (прекратил деятельность в 1940 г., был возрождён в форме фонда в 1992 г. и объединяет на сегодняшний день более 50 общественных фондов и организаций). Последний конгресс финно-угорской культуры перед Второй мировой войной состоялся в 1931 г. Контакты между финно-угроведами восстановились после почти четвертьвекового перерыва в 1958 г., когда в Хельсинки отмечалось 75-летие научного Финно-угорского общества (основано в 1883 г.). Эти контакты продолжались в форме международных конгрессов финно-угроведов, проводимых с регулярностью раз в пять лет [9].

С учётом этой предыстории не вызывает удивления то, что формирование концепта «финно-угорский мир» шло с опорой на лингвистическую основу и что проблемы сохранения и развития языка и национального образования занимает в повестке деятельности как российской, так и международной финно-угорской ассоциации ведущее место. Закономерно в силу данного обстоятельства, что учёные выступили основными агентами формирования дискурса финно-угорского мира на рубеже 80–90-х годов прошлого столетия.

Устойчивость данному концепту придал процесс формирования в годы перестройки этнических общественных объединений финно-угорских народов России в ситуации распада Советского Союза и слабости федеральной государственной власти. Развитие взаимных связей указанных объединений достаточно быстро привело к их организационному оформлению. 20 февраля 1992 г. на собрании полномочных

представителей финно-угорских народов в г. Сыктывкаре принята декларация о создании межрегиональной, межэтнической организации Российской Федерации – Ассоциации финно-угорских народов. В мае 1992 г. в г. Ижевске прошёл I съезд финно-угорских народов, на котором произошло организационное оформление ассоциации. В декабре 1992 г. в Сыктывкаре состоялся I Всемирный конгресс финно-угорских народов. Всемирные конгрессы были заявлены как представительные органы финно-угорских народов, созываемые не реже одного раза в четыре года. Координирующим органом конгрессов был объявлен консультативный комитет.

Говоря об институционализации финно-угорского мира, большое внимание уделяется деятельности именно общественных объединений финно-угорских народов и их ассоциаций, которые подвержены влиянию политических процессов как на международной арене, так и внутри перечисленных выше стран. При этом часто упускаются из виду другие аспекты проявления этого феномена. В ткань отношений финно-угорских народов вплетена деятельность организаций различной направленности: молодёжных и женских объединений, творческих союзов. При политикоцентрированном взгляде на финно-угорский мир ускользает от анализа та роль, которую в его формировании сыграли творческие контакты. Например, первым выходом данного концепта за пределы научной среды стало проведение в 1989 г. Конгресса финно-угорских писателей, которые стали регулярными. Творческие контакты стали развиваться в театральной и журналистской среде, по линии сотрудничества вузов финно-угорских регионов. Различные творческие фестивали стали одной из ведущих организационных форм институционализации финно-угорского мира. Достаточно вспомнить факт, который приводит в своей статье А.Б. Мясникова. Ещё до формирования ассоциаций общественных организаций в июне 1990 г. в Марийской АССР был организован Первый международный праздник народного творчества финно-угорской языковой общности [9].

Примечательно, что международное мероприятие в 1990 г. в Йошкар-Оле было инициировано Министерством культуры Марийской АССР и Республиканским методическим центром народного творчества и культурно-просветительской работы. Иными словами, говоря о финно-угорском мире, нельзя упускать из виду деятельность государственных и муниципальных органов, их немалое значение для воспроизводства практик, реализуемых в рамках парадигматики финно-угорского единства. Особенно велика их роль в российской части финно-угорского мира. И среди государственных органов особо следует

выделить региональные и федеральные органы, занятые выработкой и реализацией политики в области межнациональных отношений. Аналогичная картина складывается и в «западной» части финно-угорского мира. В осуществлении связей с родственными народами втянуты различные организации, которые могут находиться в отношениях скрытой конкуренции. Вопросы их отношений друг с другом, с органами власти в своих странах – это тема отдельного анализа.

Наконец, полное понимание функционирования геоконцепта финно-угорского мира требует сопоставительного анализа с иными геоконцептами как в академическом, так и в практико-управленческом плане. Если говорить о «западной» части финно-угорского мира, то в практическом плане уместно вспомнить геопространственные концепты «Фенноскандия», «Арктические государства», в рамках которых отношения России и Финляндии развиваются по иной логике. Естественно, что они «разрывают» финно-угорское единство, оказываются более интересными в определённых ситуациях для финнов, саамов, коми и самодийских народов. Другим примером может служить геоконцепт Великого Турана, который в публичном поле Венгрии имеет поддержку, сравнимую с концептом финно-угорского единства (подробнее см.: [14, с. 65–66]). В случае российских реалий уместно вспомнить незаслуженно, на наш взгляд, забытый геоконцепт «между Волгой и Уралом», который нёс и смысловую нагрузку многоэтнического региона. Потребность в такого рода геоконцептах ощущается как насущная необходимость при проведении политики роста связанности внутренних территорий России на региональном уровне помимо административных границ. Наконец, нельзя забывать и о геоконцепте евразийства, который озвучивается в рамках сотрудничества бывших советских союзных республик.

Если же вернуться к сравнению геоконцептов пантюркизма (Великого Турана) и финно-угорского мира, то оно представляет скорее академический интерес (за исключением упомянутого случая Венгрии). Первое, на что обращают внимание исследователи финно-угорского мира, – на его полицентричность. «Идеология этнического и языкового родства в интерпретации “финно-угорского единства” заметно отличается от пантюркистской модели. Во-первых, вместо одного внешнего центра силы (Турции) здесь имеются сразу три» [12, с. 121–122]. (Автор цитаты А.Е. Фоминых пишет о сравниваемых концептах как внешних по отношению к территории бывшего СССР. Но признание России в качестве самостоятельного участника финно-угорских отношений требует выделения четырех центров силы).

С этим связана вторая черта: «Во-вторых, современное прочтение “финно-угорского мира” избегает геополитической мегаломании и риторики о воссоздании единого финно-угорского государства – эти идеи сегодня исповедуются лишь рядом маргинальных групп, не имеющих общественного веса» [Там же]. Думается, что именно полицентричность исключает своеобразную эгоцентричную политизацию, которую можно наблюдать в случае пантюркистского проекта. У каждого центра есть свои интересы, не сводимые и не выводимые из финно-угорского единства. В противоположность этому пантюркистский проект моноцентричен. Судя по сообщениям коллег на семинаре, Турция заявляет монопольное право и на смысловую интерпретацию этого концепта, и на контроль реализуемых внутри него практик. Однако развитие тюркских государств, возникших на базе бывших советских союзных республик, укрепление их суверенитета позволяет высказать предположение, что «пантюркистский проект» может пережить переход к аналогичному полицентризму. В этом случае возможны его отличные от турецких интерпретации.

В последнем случае появляется, по крайней мере, академический интерес о возможностях активного участия в «игре интерпретаций» общественных объединений тюркских народов России. Применительно к финно-угорскому миру можно говорить об определённом опыте контринтерпретаций финно-угорского мира. Содержательно этот опыт включает усиление взаимных связей между финно-угорскими народами России. Формируется своеобразный национальный (общероссийский) подуровень внутри описываемого транснационального геопрокта. Ключевым событием в его оформлении можно считать IV съезд Ассоциации финно-угорских народов России, который состоялся в сентябре 2009 г. в Саранске. Некоторые аспекты содержания его работы определялись негативной реакцией на позицию относительно положения финно-угорских народов России, занятую ПАСЕ. Но определяющими факторами проявившегося уже на этом съезде национального подуровня описываемого геоконцепта выступают складывание российской гражданской идентичности, а также наличие стратегии федеральной власти в области национальной политики. С этой точки зрения представляется возможным говорить о двух этапах в развитии видения финно-угорского единства в общественных объединениях российских финно-угров. С политико-географической же точки эти изменения проявились в своеобразной двуцентричности «восточного» финно-угорского мира: Сыктывкар, с которым традиционно связывалась повседневная работа в Консультативном комитете российской стороны, и Саранск, ставший местом штаб-квартиры АФУН.

Специально следует оговорить факт кризиса геоконцепта финно-угорского мира. Отказ делегаций из России принять участие в работе очередного VIII Всемирного конгресса финно-угорских народов в Эстонии и постановка «... под сомнение необходимость проведения конгрессов в будущем» являются зримым появлением этого кризиса [3]. Кризис имеет как внешние, так и внутренние предпосылки. Первые развивались на фоне обострения отношений между Российским государством и коллективным Западом; с момента принятия резолюции ПАСЕ финно-угорское содружество стало одной из площадок политического противостояния. К внутренним следует отнести оформление национального подуровня этого концепта и изменение социального состава актива российских финно-угорских общественных объединений.

Важной особенностью финно-угорского мира является его сосредоточенность на проблематике коллективных прав и культуры. Его пространство является пространством трансфера социальных и культурных технологий. И если практики правообеспечительной деятельности – в силу различного исторического опыта и различия в интерпретации и обеспечении прав коллективных субъектов в Европе и России – оказались своего рода миной замедленного действия в эволюционном развитии финно-угорского мира, то культурные практики обеспечивают его объективацию. Наиболее существенным примером в области культурных практик можно назвать этнофутуризм, способствовавший новым формам бытования этнических культур в среде финно-угров (см., наприм.: [6]), и ставший постоянным проектом «Культурная столица финно-угорского мира», который способствует развитию этнотуризма (о внеполитических практиках конструирования общепинноугорской идентичности и их роли см.: [14, с.70–71]). Повышенное критическое внимание к стремлению ряда политиков использовать концепт финно-угорского мира в качестве «мягкой силы» не позволяет экспертам обратить внимание на то, что подобные культурные и образовательные практики важны и для финно-угорских народов, проживающих в границах Евросоюза. В ситуации, когда Евросоюз на своей территории проводит политику культурной унификации и деконструкции традиционных ценностей, «... есть еще и страх среди финно-угорских (*западных* – *О.Я.*) народов, что членство в Европейском союзе может стереть их самобытные культурные идентичности. В случае с венграми, финнами и эстонцами продвижение финно-угорских связей обеспечивает приятный контраст гомогенизирующему воздействию Европейского союза (кроме снятия векового чувства языковой изоляции)» (цит. по: [14, с. 64]).

Подводя итог, можно процитировать В.И. Калущкого, что «геоконцептные системы – это общественные субъектнообъектные системы. Любое человеческое сообщество – этническое, социальное, профессиональное – формирует для себя такие геоконцептные системы: ... на них выстраивается его картина мира», их карты – «это ментальные карты» и «работа с геоконцептом – это всегда работа в определенном культурно-смысловом контексте». Соответственно, в качестве объекта геоконцептный мир: образ + топоним + территория – есть мир субъекта, его объективация. Смысловое наполнение геоконцепта, семантическая окраска, топонимическое оформление зависит от того, кто, в каком контексте, в какой ситуации говорит о нём и в нём. Применительно к геоконцепту «финно-угорский мир» можно утверждать, что он стал реальностью, объективировался. Его наполнение как умозрительного конструкта реальным содержанием произошло стараниями его противников в не меньшей мере, чем стараниями его сторонников. Но не стоит преувеличивать влияние этого концепта на повседневность финно-угров России и их соседей. Показательны в этом отношении следующие данные опроса среди молодёжи четырёх финно-угорских республик.

Ответом на идеи глобализации стало формирование идей культурных миров. Возникли арабский мир, тюркский мир, франкофония и относительно недавно стал формироваться финно-угорский мир. В таблице 1 приведены результаты опроса населения ряда регионов России, в которых проживают финно-угорские народы [8]. В процессе проведения опроса респондентам был задан вопрос: «Имеете ли Вы представление о финно-угорском мире и поддерживаете ли Вы идею этого мира?». Результаты опроса указаны в процентах.

Таблица 1

	Карелия	Марий Эл	Мордовия	Удмуртия
Нет, я ничего не знаю о сущности идеи финно-угорского мира	47,4	46,7	41,5	46,4
Я слышал об этой идее, но затрудняюсь сказать, в чем ее сущность	19,7	29,0	28,5	26,7
Я хорошо знаю суть этой идеи и поддерживаю её	2,7	2,8	7,0	6,3
Я хорошо знаю суть этой идеи, но не поддерживаю ее	4,3	2,8	7,5	3,6
Другое	0,4	0,7	0	0
Затрудняюсь ответить	25,5	18,0	15,5	17,0

В свете приведённых данных следует признать правомерным вывод Е.А. Фоминых: «Этот проект пока носит в основном культурно-гуманитарный характер, но обладает высокими рисками политизации» [11, с. 123]. Реализуются ли эти риски, каковы будут векторы их развития, зависит от позиций участников дискуссий и реализуемых ими практик, а также от способности российских политиков управлять гео-концептными системами в условиях информационного общества.

Литература

1. Иванов В.В. Финно-угорские республики РФ и зарубежный фактор [Электронный ресурс] // Москва. 2014. № 6. URL: https://www.moskvam.ru/publications/publication_1119.html (дата обращения: 10.08.2022).
2. Замятина Н.Ю. Концептуальные основы изучения региональных образцов // Региональные исследования. 2011. № 2(32). С. 24–35.
3. Заявление Общероссийского общественного движения «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://afunrf.ru/events/zaiavlenie-assotciatcii-fинно-ugorskikh-narodov-rossii-1778/> (дата обращения: 10.08.2022).
4. Калуцков В.И. О трёх столпах географической ономастики: топоним – географическое название – геоконцепт // Социо- и психолингвистические исследования. 2015. Вып. 3. С. 7–13.
5. Калуцков В.И. Геоконцепты в географии // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 1. С. 27–36.
6. Колчева Э.М. Этнофутуризм как явление культуры: монография. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т. 2008. 164 с.
7. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. Москва: Гнозис; Издательская группа «Прогресс». 1992. 272 с.
8. Молодежь в политическом и культурном пространстве республик с финно-угорским населением: позиции, настроения, риски. М.: РГГУ, 2021. 386 с.
9. Мясникова А.Б. Этапы становления и развития финно-угорского мира. // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 52–58.
10. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса / Пер. с англ. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр. 2009. 356 с.
11. Финно-угорский мир: опыт системного анализа / В.М. Арсентьев и др.; под. ред. чл.-кор. РАН Н.М. Арсентьева. Саранск: Изд. центр ИнСтИтут, 2020. 424 с.
12. Фоминых Е.А. Конструируемые сообщества «родственных народов» Евразии: тюркский и финно-угорский мир // Европейский регионализм: теории и практика: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Екатеринбург, 18–19 марта 2019 г.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019. С. 120–123.
13. Шабаетов Ю.П., Мартыненко А.В. Экспертный анализ региональных моделей государственной национальной политики в республиках с финно-

угорским населением: гражданские интересы, право, этническое антрепренерство и культуртрегерство // Вопросы этнополитики. 2019. № 2. С. 40–72.

14. Януш О.Б. Финно-угорский «мир» как символический конструируемый проект // Вестник Пермского университета. Политология. 2021. Том 15. № 3. С. 60–76.